

Валентина Эйкорт

Мутабор

Валентина Эйкорн

Мутабор

«Автор»

2026

Эйкорн В.

Мутабор / В. Эйкорн — «Автор», 2026

Перипетии. Вероятно, лучшее слово для описания того, что происходит в душе Тамары, неугомонной и целеустремлённой героини этого рассказа, в процессе поисков того, чего она никогда не имела, но что, как ей кажется, она когда-то потеряла. Помимо неё, читателю предстоит встретиться ещё со многими самыми неожиданными персонажами, чтобы в итоге прийти вместе с Тамарой к выводу. Какому? Об этом читатель узнает из рассказа.

© Эйкорн В., 2026

© Автор, 2026

Валентина Эйкорн

Мутабор

Удивительный факт, факт существования, периодически поражал сознание Тамары, иногда ужасая своей невероятностью, а иногда ею же восхищая. В обыденности прикрытый завесой повседневных мыслей, сам по себе, в голом виде, он был, конечно, умопомрачителен. Одной из его уму непостижимых черт была возможность делать выбор, то есть своими руками (или другими частями тела или мозга) своё существование осуществлять, менять, буквально мять, как сырую глину. Непредсказуемость результата при этом придавала процессу немного пугающую, но всё-таки прелесть. Своеобразную прелесть имела и другая особенность этого невероятного факта — возможность удивляться самому себе. Тамара часто сама себе удивлялась. Пожалуй, даже слишком часто, но ей это даже нравилось. Особенно ей нравилось сочетание этих явлений: выбора и удивления от него.

Вот именно сейчас, например, она стояла (на самом деле сидела на диване) перед выбором, который так или иначе, но кардинально изменит форму её дальнейшего существования, её судьбу: пойти или остаться. Да, ничего не делать, не идти — это тоже шаг, делая который, она может только предполагать, к чему он приведёт. Допустим, у Егора хватит ума понять всё сразу. Ну хорошо, не всё, всего она и сама не понимает, но хотя бы то, что всё кончено. Это был бы оптимальный исход, но его никто не гарантирует. Возможно, он потребует объяснений. А у неё их нет. Ну не может она сама себе объяснить, почему решила уехать. Ей кажется, что там что-то есть, что-то такое, что ей нужно. Как будто когда-то она потеряла что-то, чего никогда не имела, и ей почему-то кажется, что там она это найдёт. Как объяснить такие смутные предпосылки Егору? Вот именно, никак.

Что Тамаре категорически не нравилось в потрясающем сознание факте своего существования, так это частое несовпадение его, существования, образа, такого, каким он у неё был, с фактами, теми, которые никак нельзя было отрицать. Их противоречие друг другу, особенно участившееся в последнее время, говорило, тоном требовательным и неумолимым, о необходимости менять, либо то, либо другое. Очевидно, что менять, к огромному сожалению, приходилось первое, причём менять отнюдь не так, как хотелось бы, а исходя из этих самых фактов. Вот ты считаешь, например, себя человеком незаурядного ума, буквально всякий раз, направляя свой взгляд внутрь себя, ты ясно видишь там ум, весьма незаурядный, отчего твое существование в твоих глазах приобретает замысловатый, слегка мессианский вид с признаками некоего предназначения, призвания, чего-то, в общем, высокого, выше среднего. Но факты из раза в раз, изо дня в день упорно говорят другое, что, дескать, ум, конечно, есть, но не особенно похоже на то, чтобы незаурядный, вполне себе заурядный ум, как ты его ни крути. И Как бы Тамара ни крутила, но рано или поздно с фактами ей пришлось бы согласиться, пришлось бы пересмотреть своё существование другим, трезвым взглядом, и снять с него такой красивый заповеданный покров. Можно, наверное, что называется уйти в несознанку и оставаться верным своим представлениям до конца, не только несмотря, но вопреки всему. Но этот клинический вариант Тамара рассматривать не была готова, пока по крайней мере. На данный момент она решила дать своему представлению последний шанс оправдать себя на новом месте. Возможно, смена обстановки, другие условия среды повлияют на него, то есть неё, каким-то благотворным образом. А если нет, то, значит, нет, придётся всё в себе пересмотреть и переоценить, снизив, как это ни печально, цены.

Длинная тень упала на картину и сползла по стенке на пол. Кто-то подошёл к окну.

— Тамара, ты дома?

Вот чёрт. Он пришёл сам. А она не в форме, не в лучшей уж точно.

— Да, сейчас открою, подожди немного.

Она накрашила ресницы, собрала волосы в пучок, надела шёлковый халатик и пошла открывать дверь.

Егор был пьян. Не в стельку, но прилично.

— Ты не пришла.

— Да, Егор, так будет лучше.

— Не мне уж точно.

— Ты знаешь, я старалась.

— Нет, всё, что ты делала — плыла по течению.

— Может, ты и прав. Это уже не важно. Я хочу уехать.

— Ты меня бросаешь?

— Бросаю, но не тебя. Я бросаю вызов.

— Ересь какая пафосная. Кому? Куда? Зачем?

— Не знаю. Себе. Судьбе.

— Какая чушь.

— Ты повторяешься.

— Я пытаюсь до тебя достучаться

— Не надо. Я открыта. И я открыто говорю, что уезжаю навсегда.

— А как же мы? Как же я?

— А ты остаёшься. И мы останемся, и в моей памяти, и в сердце.

Она уехала в субботу, на рассвете. Дом запирать не стала — пусть заходит и живёт, кто хочет. Она сюда больше не вернётся.

Её ожидания её не обманули. Возможно, из-за скромности. Почти сразу перед ней открылись два пути: найти своё призвание или попробовать себя в новом амплуа. Подвох был только в том, что решать надо было быстро, прямо сейчас. К своему, как обычно, удивлению, Тамара выбрала второе. Амплуа было совершенно новое, непривычное, но Тамара быстро в него вжилась. В нём ей сначала было тесновато, но потихоньку ушли сомнения, за ними страх, и дышать стало свободнее, легче. Корректировки, которые по своему обыкновению вносила жизнь, Тамару не пугали — они были маленькие, особенно на фоне довольно крупных перспектив.

Смуту внёс Олег, её сослуживец. Внёс неожиданно, со словами: «Вот, полюбуйся».

В руках он держал папку с документами. Согласно этим документам, Тамаре незамедлительно следовало пересмотреть свои базовые принципы. Делать этого она категорически не хотела, тем более сейчас, тем более так резко. Но в документах это было прописано чётко и недвусмысленно.

— Сколько у меня времени? — спросила она у Олега.

— Максимум до обеда.

Катастрофически мало. Может, попробовать сбежать? Бегают она хорошо. Но куда? Куда глаза глядят, по-другому не выйдет.

— Мне нужно побыть одной.

— На данном этапе никак нельзя.

— Но в туалет я хотя бы могу выйти?

Олег сомневался, но всё-таки ответил:

— Ладно, но я провожу.

В туалете Тамара неимоверным усилием воли добралась до самой глубины своей души и, выйдя, показала Олегу своё истинное лицо. От неожиданности Олег на какое-то время опешил, и Тамара, не теряя времени даром, пустилась в бег.

Сама себе удивляясь, она пробегала два дня, пока не добежала до предела своих возможностей. Вокруг, насколько хватало глаз, не было ни души. Надо перевести дух, ещё лучше поспать, а там будет, возможно, видно хоть что-то.

Сон был глупый, но силы восстановить помог. Теперь вопрос заключался в том, на что их потратить. Бежать вперёд? Осмотреться на местности? Тамара вышла на свет. Странное место. Такое ощущение, что когда-то покинутое всеми. То тут, то там виднелись ещё чьи-то едва заметные следы, но в целом это было бездушное, безлюдное и безликое место. Оставаться в нём не было никакого желания, хотя это и был, наверняка, наиболее безопасный вариант. Возможно ли, чтобы здесь нашлось какое-нибудь пропитание? Голод всё больше и больше давал ей о себе знать. Вряд ли, конечно. Но, может, удастся найти какие-то плоды, может, чьей-то деятельности, может, кто знает, даже творчества.

Тамара продвигалась аккуратно, осторожно, стараясь не задеть ненароком за что-нибудь живое, что ещё могло теоретически теплиться здесь. Вскоре вдалеке она увидела высокую ограду с большими коваными воротами. А вдруг за ней скрывается фруктовый сад? Но ворота оказались заперты. Жаль. Она уже была готова уходить, но вдруг заметила, что на земле, аккуратно под фонарём, лежит связка ключей. Один из них, самый большой, подошёл к воротам.

Нет, это был не сад, даже не парк. Это был лабиринт.

Было бы несомненной глупостью в него идти. На то он и лабиринт, что выйти будет уже трудно, если вообще возможно. Тамара сделала шаг назад, но вдруг из недр лабиринта донёсся чей-то голос:

— Не стесняйтесь, проходите

— Здесь кто-то есть?

— Конечно.

— Вам нужна помощь?

— Мне нет. А Вам, похоже, да.

— Почему Вы так думаете?

— У Вас потерянный вид.

— Вы меня видите? Почему я не вижу Вас?

— Потому что я этого не хочу.

— Тогда зачем Вы меня зовёте?

— Чтобы Вам помочь.

— Вы знаете, как?

— Думаю, да. Проходите, не бойтесь, это несложный лабиринт.

— Почему я должна Вам верить?

— Ну, во-первых, потому что больше тут никому, а во-вторых, потому что я говорю правду.

Тамара колебалась, она очень сомневалась, но, сама себе удивляясь, всё-таки пошла. Пройдя несколько шагов, она оказалась на развилке.

— Куда мне идти?

— Идите налево.

За развилкой следовала ещё одна, за ней ещё и ещё.

— Куда Вы меня ведёте?

— К цели.

— Долго ещё идти?

— Относительно недолго.

— Относительно чего?

— Времени, которое у Вас есть.

— А сколько у меня есть времени?

— Относительно много.

Тамара блуждала по лабиринту уже несколько часов. В какой-то момент в отчаянии она перестала слушать голос и поворачивала наугад. Солнце село. Ей стало холодно и страшно,

что она не выйдет отсюда никогда. Она продолжала идти, но скорее по инерции, уже мало на что-то надеясь.

— Зачем Вы меня сюда заманили? Убить? Зачем Вам это?

— Я же сказал, помочь.

— Вы издеваетесь?

— Отнюдь.

— Выведите меня отсюда, пожалуйста.

— Именно это я и делаю.

Спать в лабиринте было очень холодно и опять же страшно. Но в конечном итоге сон взял над холодом и страхом верх. Наутро она продолжила идти. Налево, направо, направо, налево. Так прошёл ещё день, а может, два. Снова она брела, уже не глядя, машинально переставляя ноги, думая только о том, чтобы скорее уснуть. Она не верила своим глазам, когда, наконец, увидела в стене лабиринта дверь.

— Ну вот, — снова раздался голос, — вы и пришли.

— Но дверь закрыта.

— У Вас же есть ключи.

Да, точно, ключи. Тамара отперла замок, открыла дверь и без раздумий вошла. Терять ей было нечего. Это была квартира. Самая обыкновенная, с диваном и окном. На диване сидел молодой мужчина с банкой пива.

— Вы кто? — спросила Тамара.

— Очевидно Николай Зигота.

— Это Вы голос из лабиринта?

— Чего? Какого лабиринта?

— Который у Вас за дверью.

— Ну, если вы считаете Самару лабиринтом, то да, я определённо из неё.

— А вас не удивляет, что я сюда вошла?

— Почему меня должно это удивлять. Кристина меня предупредила, что Вы придёте сегодня в три. Вы опоздали, кстати, на пятнадцать минут.

— Какая Кристина? Откуда она знала, что я приду?

— Что значит «откуда знала»? Она же Вас и вызвала.

— Что значит «вызвала»? Зачем?

— Чтобы вы выписали мне лекарство.

— Какое лекарство? Я не врач.

— Мне совершенно неважно, врач вы или космонавт. Мне нужна ваша подпись на рецепте.

Мужчина протянул Тамаре какую-то бумажку.

— Ручка на столе.

Самара оказалась городом, в котором Тамара нашла своё призвание, сама себе, конечно, удивляясь. Кто бы мог подумать, что ей, инженеру-испытателю, так понравится печь торты? Справедливости ради надо сказать, что это были не просто какие-то торты, а произведения искусства, причём в буквальном смысле, поскольку с помощью крема, пищевых красителей, кулинарных украшений, она рисовала на тортах картины, довольно ловко изображая известные полотна художников, от Ван Гога до Климта. Спрос на такое ухищрение был стабильный. И Тамара его удовлетворяла. Таким образом, вопрос о пересмотре ценностей на какое-то время был снят, по крайней мере не вставал перед Тамарой. Уже к четвёртому кварталу следующего года она накопила себе на отпуск, на море, в кой-то веки. Там она познакомилась с местными кухней и колоритом, много гуляла, после чего вернулась в Самару.

Потихонечку, один за другим, шли дни. В какой-то из них Тамара подумала, что настало время сломать стереотип, хотя бы один. Больше всего ей мешал тот, который не давал ей лезть

на рожон. В самом деле, почему нет? Возможно, если бы она лезла на него хоть иногда, то смогла бы залезть достаточно высоко, туда, откуда будет видно новые возможности. Да, этимологию фразеологизма Тамара не знала, что, скорее всего, ее и подвело.

Она решительно решила заявить о себе. Если получится, то на всю Самарскую область. Чтобы заявить о себе так громко, нужен рупор. В качестве рупора она выбрала областную газету, в которой разместила объявление об открытии курсов оригами. Почему оригами? Почему не торты? Она и сама себе удивлялась. Вероятно, сказалась её склонность делать из мухи слона.

На курсы записалось три человека: старушка, девушка с красными волосами и Николай Зигота. Не густо, но лиха беда начало. В дальнейшем, возможно, к ней придёт успех. Но он не пришёл. Более того, через месяц ушла старушка. Зигота проявлял завидное упорство, но выдающихся успехов не демонстрировал. Девушка была вежлива и мила, не более того. Был ли это провал? Очень на него похоже. Был ли это повод отчаиваться? И на него похоже тоже было очень. Что оставалось делать? Кроме выводов, ничего. А они были безрадостные. Стоит ли пробовать лезть на другой рожон? Возможно, но для этого у Тамары больше не осталось мотивации. Отчего бы просто не утомониться? Чем плохи торты? Дело было, видимо, в чём-то. В том самом, что она когда-то потеряла, хотя и не имела никогда. Что бы это ни было, она всё ещё этого не нашла.

Кружок оригами она закрыла, чем несказанно расстроила Зиготу. Торты какое-то время по-прежнему пекла, но с каждым разом всё с меньшим вдохновением и энтузиазмом. Так продолжалось, пока не наступил момент истины, момент, когда настало время себе честно признаться, во всём. «Кого я обманываю?» — спросила себя Тамара.

Дабы отрезать себе все пути назад, к самообману, она пошла на крайние меры. Это был очень важный, знаменательный заказ, можно сказать, веха в карьере, огромный торт на день рождения высокопоставленного чиновника, тот самый её последний в жизни торт, на котором она вместо утра в сосновом лесу большими шоколадными буквами написала короткое матерное слово. Скандал был громкий, но вскоре затих. Она покидала Самару с лёгким сердцем, чистой совестью и смятением в душе.

Поезд тронулся, оставляя Самару позади. В купе сидела тучная дама и стоял сильный запах варёной курицы и яиц. Уже завтра она будет в Литве. Границу проезжали ночью. Разбудив даму и Тамару, пограничники проводили обыск, терпеливо доставая из сумок и чемоданов дамы одну варёную курицу за другой. Много, бесконечно много варёных куриц, которые они выкладывали на стол, потом на полку, на пол. Когда подошла очередь Тамары, она послушно открыла свой единственный, но, прямо скажем, громадный чемодан. Преимущественно одежда, пара книг, предметы гигиены. Стоп. Это что такое? Пограничник держал в руках пакетик с китайскими иероглифами, который только что, на глазах у Тамары, достал из её чемодана. Тамара видела этот пакет первый раз в жизни, но доказывать это было бесполезно. Заглянув в пакет, пограничник перевёл взгляд на Тамару и сухо сказал:

— Пройдёмте с нами.

Прямо сейчас или никогда. В одно мгновение она выдернула из рук пограничника пакетик, высыпала его неведомое содержимое себе в рот и, сама себе удивляясь, проглотила.

Господа сидели в большой, отделанной морёным дубом гостиной в ожидании кофе.

— Уверю Вас, Иван Петрович, — заявил один из гостей, — первая сигнальная система мне вполне понятна. В принципе это Кант, только в физиологическом разрезе.

— Да бросьте, в самом деле, оставьте достойного профессора в покое, ему только физиологических разрезов ещё доставало.

— А Вы посудите сами: с Вашего же позволения зрительные, слуховые и прочие рецепторы чрез нервы поставляют нам в мозг импульсы, раздражения от явлений внешнего мира. Так мы общаемся с действительностью, с Вашего, опять же, позволения. Продукты их перера-

ботки мозгом и есть наш внешний мир, которым мы буквально облеплены, которым забиты наши уши, залеплены глаза и набит рот. И с этим как раз более или менее всё ясно. Но вот Ваша вторая сигнальная система, речевая...

— Извольте погодить, — встрял господин, сидевший в углу гостиной в глубоком кресле под часами с боем, — но причём здесь Кант?

— Как причём? А разве ж это не Ваша, pardon, критическая с позволения сказать гносеология? Ну, пусть не в чистом виде, но таки сродни.

— Полноте Вам, господа, тревожить нашего уважаемого гостя. Он и так, помнится, божился к нам больше ни ногой.

— Да-да, по причине положения о причине, помню как сейчас, — ехидно приснул кто-то из гостей. — Того, что вначале выглядело по всем понятиям эмпирическим, хотя по положению и трансцендентальным, а к вечеру оказалось ну чисто априорным, а поутру снова априорным, но уже не таким чистым. Ха-ха-ха.

— Попридержите свой аналитический язык, Уилкинс! — аж привстав, выпалил всё тот же господин из-под часов. — Понятие причины, да будет Вам известно, я вообще никак не могу показать в созерцании иначе как с помощью примера, данного мне опытом!

— Ха, — подхватил ещё один любитель контроверз, — это Вы сейчас так говорите. А после третьей начнёте путаться, пока не дойдёте до того, что «понятие причины дано Вам a priori», и не уснёте мирным сном, оставив нас наедине с бесплодной, хотя и не беспочвенной критикой Вашего разума.

Здесь Кант многозначительно и молча удалился. После чего беседа окончательно потеряла всякий в его адрес пиетет.

— Заметьте, с каждым разом он покидает нас всё более поспешно. Бьюсь об заклад, господа, вы способны вывести из себя даже вещь в себе.

— Не из себя, позвольте вас поправить, а из лабиринта заблуждений, выйти из которого так же трудно, как и желательно, — не без изрядной доли чванства заметил тот же оппонент.

— Из разрастающегося, гнусного лабиринта, — процедил сдавленным, будто застрявшим между зубами голосом безмерно уставшего вида господин.

— Вам следует проявлять больше усердия в стремлении не привлекать к себе внимания, Франц, — одёрнул уставшего господина его сосед.

В ответ уставший господин вздохнул покорно, но очень тяжело, казалось даже, что со скрипом.

— Хотите, я тряхну вашей головой? — шёпотом предложил ему всё тот же сердобольный сосед. Но Франц уже не отзывался.

— Перемудрил ваш Иммануил, — уже во всеуслышание констатировал участливый сосед. — Ведь говорил я ему тогда за завтраком: «Вы, профессор, воля ваша, что-то нескладное придумали! Оно, может, и умно, но больно непонятно. Над вами потешаться будут».

— Это говорили не Вы и не ему, не лукавьте, — возразил молодой человек со многими детерминирующими признаками доктора наук. И тут же, видимо, желая сгладить резкость, с улыбкой добавил: — Скорее всего, чтобы в полной мере постичь исходный смысл всех кантовских трудов, если кому-то это вдруг зачем-либо угодно, следовало бы на многие годы уподобиться часам на соборе Кенигсберга: вставать с постели, пить свой чай, читать студентам лекции и ровно в половину четвёртого делать ровно восемь кругов по липовой аллее Философии, с механической пунктуальностью обходя сей ежедневный циферблат. Хотя, вполне возможно, мы перемудрили самого Канта, не дерзая признать, что он попросту оконфузился.

Однако единодушие этой компании было не свойственно, а потому мимолётно, и после минутной паузы один из премногоуважаемых господ достал своё мочало и надел его на пресловутый кол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.